

Н. И. Голубцова

ИТАЛИЯ В НАЧАЛЕ V ВЕКА И ВТОРЖЕНИЕ АЛАРИХА В РИМ

Вопросы истории последних десятилетий Западной Римской империи имеют важное значение для изучения переходного периода от античности к средневековью. Для этого времени в нашем распоряжении нет таких обширных источников, как Фукидид и Тацит, но тем не менее у нас немало данных, касающихся событий последнего века Западной империи.

Товарищ Сталин вполне определенно указал, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся» («Вопросы ленинизма», изд. 11-е, 1945. стр. 412). Революция внутри империи сочеталась с наступлением варваров. «Все «варвары», говорит И. В. Сталин, — объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» (там же, стр. 432). Руководствуясь этими указаниями, советская историография сделала многое по истории революпии рабов и варварских завоеваний, но до сих пор остаются неосвещенными с точки зрения марксизма-ленинизма события 410 г., когда впервые

после восьмивекового перерыва варвары ворвались в Рим.

События этих лет подробно излагаются буржуазными истори-ками, и, может быть, больше чем где-либо сказывается здесь порочность их метода. Два момента особенно характерны для буржуазной фальсификации истории этого периода. Первый момент — это полное игнорирование революции рабов. Вопреки данным источников ни один буржуазный историк не говорит о связи между варварами и рабами. Социальная основа конфликта начала V в. тем самым искажается и освещается неверно. Второй момент — стремление сгладить самый конфликт, показать. что вторжение в Рим Алариха — случайный эпизод, не имеющий ного значения, что пребывание варваров в Риме было кратковременным и не оставило заметного следа. Подобного рода концепции особенно характерны для историографии последнего десятилетия, стремящейся затушевать социальные конфликты. Но все эти попытки стоят в противоречии с данными источников.

В настоящей статье мы поставили целью осветить события 408— 410 гг. в Италии и указать общее их значение в истории последних десяти.

летий Западной Римской империи.

В 407 г. Западная Римская империя фактически распалась. Галлия была наводнена варварами, в Британии был избран свой император, которому удалось очистить часть Галлии от варваров 1 и укрепиться в Арелате (Z o s., V, 34, 4; VI, 2, 3—6). В 408 г. Испания была потеряна. В

Oiympiod., fr. 12; Zos., VI. 2; Sozom.. IX, 11; Oros., VII, 40, 4.

исключительно тревожном положении находилась и Италия. Вождь вестготов Аларих, воспользовавшись тяжелым положением западной части Римской империи, двинулся на Италию из Эпира, куда он, очевидно, перебрался со всеми своими силами по уговору с фактическим правителем

Западной Римской империи — Стилихоном 1

Аларих направил к Стилихону в Равеину посольство, которое потребовало значительной суммы денег и драгоценностей². Стилихону с большим трудом удалось провести в сенате предложение о мире с готами. Один из сенаторов, Лампадий, заявил, что «это договор о рабстве, а не о мире»³. Положение Италии становилось все более угрожающим. Всем было ясно, что Аларих вскоре начнет предъявлять новые требования, а из Арелата на Рим двинется узурпатор Константин. Этот период характеризуется усилением варварского элемента внутри Западной империи. Во время тринадцатилетнего правления вандала Стилихона (395—408) при безвольном императоре Гонории процесс варваризации Римской империи, начавшийся еще с конца II в., достигает своего апогея. Варвары появляются на высших имперских должностях и оттесняют римлян на задний план. Безвольные императоры теряют свое значние.

После смерти Феодосия исключительным влиянием и исключительной властью пользовался Стилихон, который, будучи сам вандальского происхождения, широко распахнул двери Римского государства всем варварам. Он открывает собой плеяду варварских вождей, опекунов императоров, фактических правителей Римского государства, которые, опираясь на варварское войско, по своему усмотрению сменяли и назначали римских императоров, пока, наконец, сами не стали открыто единственными рим-

скими правителями.

Многие современники называли Стилихона предателем. Орозий утверждает, что Стилихон призвал сам варваров в Галлию для того, чтобы, поставив империю в очень тяжелое положение, сделать своего сына Евхерия императором, надеясь затем быстро и легко вытеснить варваров. обратно за пределы империи (O r o s., VII, 38).

Иероним, считая виновником всех бедствий предателя Стилихона⁴, говорит о той опасности, которая угрожала не только говорящему, но и слушающему слова, противные варварам и констатирующие плачевное со-

стояние государства.

Третий современник деятельности Стилихона так характеризует ванцала после его гибели:

«Тем ненавистней проступок зловредного нам

Стилихона. Тот, что изменник врагам предал империи центр. Он. домогаясь сам пережить народ Римлян, коварно Все опрокинул вверх дном, бешенством лютым горя, Полный боязни пред тем, чем он сам нас привесть хотел

Полчища варваров он Риму на гибель призвал. В центре страны беззащитном он принял врагов

броненосных, Чтобы при общей беде стронть свободнее кознь. Даже сам Рим был открыт всем друзьям его, в шкуры одетым,

И находился в плену прежде, чем взяли его» 5.

5 Rutilius Namatiunus, De reditusuo, I. 44, 52.

¹ Sozom., VIII, 25, 4; IX, 11, 4; Zos., V, 26, 1; Philostorg., XXI, 2. ² Zos., V. 29; Olympiod., fr. 5; Philostorg., XII, 2. ³ Zos., VI, 7, 3; Sozom., IX, 8, 2. ⁴ II i e ron., Ep. ad Ageruch.: quid non culpa principum qui religiosissimi sunt sed scelere semibarbari accidit.

Правда, у Стилихона было среди римлян немало и сторонников. Крупный для своего времени государственный деятель, он сумел создать вокруг себя группу сторонников, прославлявших его как защитника и спасителя государства. В этом духе писал про него, например, поэт Клавдиан.

Но в 408 г., когда почти все провинции были потеряны и самой Италии угрожали силы узурпатора Константина и Алариха, волна антиварварского настроения, долго сдерживаемая Стилихоном, захлестнула жителей Италии, принадлежащих к самым разнообразным группам срободного населения, и привела к гибели Стилихона, а также к избиению варваров и их

семей, находящихся на службе у империи.

В буржуазной историографии гибель Стилихона и антиварварская реакция рассматриваются часто как результат деятельности небольшой придворной партии, возглавляемой Олимпием ¹. Однако источники говорят противное. Тот размах, который получило антиварварское движение, позволяет предполагать наличие широкой его основы. В результате, против Стилихона поднялись римские войска, недовольные преобладанием варваров в армии ². В сенате также открыто выражалось недовольство политикой Стилихона. Италийское население, возмущенное создавшимся тяжелым внешнеполитическим положением, выступило против Стилихона. Именно эта волна общеиталийского антиварварского движения вынесла на поверхность и поставила у власти Олимпия и его сторонников.

Каждый маленький городок, каждая деревенька оказывали жестокое сопротивление Алариху (Z o s., V, 37). Все жители Италии, и с к л ю ч а я р а б о в, с ужасом отнеслись к вторжению в Италию готов. «Молва,— говорит Клавдиан,— обвив свои крылья ужасом, возвестила о приближении варварской армии и распространила смятение по всей Италии» (Claud., de sene Veronensi... II, 241). Клавдиан в этой же поэме рисует образ мелкого земледельца, недовольного варварским вторжением.

Антиварварская реакция италийского населения, пытавшаяся устранить варварский элемент из римского государственного аппарата, началась в 408 г. и интересна не только в том отношении, что захватила широкие слои свободного италийского населения, но и тем, что данное движение было последним открытым и довольно мощным сопротивлением, которое было оказано варварам и внутри и вне государства.

Однако для закрепления победы у Римского государства не оказалось надлежащих сил, так как варвары имели внутри империи класс, который сочувствовал им и видел в них своих избавителей и освободителей от неволи. Это были рабы. Рабовладельцы предвидели ту опасность, которая им угрожала от присоединения рабов-варваров к своим соплеменникам.

С особенной отчетливостью высказал это Синесий.

Он указывает на то обстоятельство, что в каждой более или менее зажиточной семье имеются рабы-скифы, что по мнению Синесия нельзя считать разумным. «Ибо теперь, — говорит Синесий, —дело идет не о возмущении, которое начато двумя людьми, презревшими всех богов, но о вооруженных ордах людей из того же самого племени, из какого наши рабы, кровожадных ордах, принятых, к нашему несчастью, в империю и имеющих своих вождей, которым дарованы высочайшие должности между их соотечественниками и между нашими. Какая ошибка наша! Кроме солдат, находящихся под их начальством, эти полководцы, несомненно, пожелают видеть присоединенными к их рядам наших самых смелых и самых дерзких рабов, готовых совершить все роды злодеяний, чтобы только на-

⁷ И. М. Гревс, Аларих и вестготы, «Книга для чтения по истории средних веков», ч. І, м., 1896. 8 Zos., V, 36; VI, 13; O I y m p i o d., fr. 3; Sozom., V, 36.

сладиться свободой» (Oratio de regno). Этому месту из Синесия не уделялось внимания в буржуазной историографии, а между тем оно ясно указывает, что дальновидные современники событий 408—410 гг. ясно сознавали ту связь, какая существовала между рабами и варварами. Синесий, опасаясь соединения варваров и рабов, настаивает на удалении варваров от гражданской и военной службы силой римского оружия, затем на изгнании их из пределов империи. В крайнем случае, по его мнению, варваров можно использовать для обработки земли.

Зосим и Созомен сообщают о непрерывных побегах рабов к Алариху во время осады Рима. Зосим (V, 42) говорит о том, что во время первой осады Рима Аларихом рабы-германцы, оставляя своих господ, уходили в леса, собираясь отрядами, и влились в армию Алариха в количестве 40 тысяч человек. Созомен пишет: «По прошествии значительного времени от начала осады в городе усилились голод и повальные болезни, и многие рабы, особенно варварского происхождения, стали перебегать к Алариху» (S о z о m., IX, 6).

Это сообщение Созомена имеет важное значение, поскольку оно

указывает на обострение классовой борьбы в этот период.

Рабы и варвары сомкнулись в общем нападении на римское государство. Натиск их объединенных сил сломил окончательно государствен-

ные основы Римской империи.

Новое, настроенное антиварварски правительство, пришедшее к власти после гибели Стилихона, немедленно порвало всякие взаимоотношения с Аларихом. Вождь вестготов тщетно ждал выплаты денежной суммы, которую ему обещал при перемирии Стилихон. В ответ на пренебрежительное отношение римлян Аларих быстрым маршем отправился на Рим. Правительство бежало в Равенну и укрылось за ее крепкими стенами и недоступными укреплениями.

О трех осадах Рима и о разграблении «вечного города» готами мы знаем очень мало. Источники крайне скудны. Повествование Зосима, который излагает довольно подробно все три осады Рима Аларихом, обрывается на вторжении Алариха в Рим. Орозий, Иероним, Августин, Сократ, Созомен, Филосторгий, Олимпиодор, Прокопий сообщают лишь отрывочные, краткие сведения, которые никоим образом не позволяют представить

полную картину событий.

Равеннское правительство во все время осады Рима бездействовало и не послало ни одного отряда на выручку Рима, осажденного Аларихом. Рим же стойко держался, поддерживаемый надеждой получить помощь извне, из Равенны. Страх перед варварами все увеличивался, и в городе не помышляли о сдаче Алариху. Вдова Стилихона — Серена без всяких оснований была заподозрена в связях с варварами и умерщвлена (Z о s., V, 38). Зосим сообщает о страшном голоде, царившем в городе во время осады. Люди стали поедать трупы (Z о s., V,38). Много тысяч римлян погибло в домах и на улицах города, но люди все еще не теряли надежды на получение помощи.

После же того, как римлянам стало ясно, что они никакой помощи не получат, люди стали надеяться на сверхъестественное избавление. В Риме вновь приобретает силу и значение подавленный, но не уничтоженный христианской религией языческий культ. Появляется уверенность в том, что восстановление жертвоприношений римским богам может спасти Рим от бедствий. Во время первой осады Рима Аларихом, как рассказывает Зосим (V, 41), тусканские прорицатели убедили префекта города Помпеяна в том, что они могут спасти Рим от варваров при помощи таинственных заклинаний и жертвоприношений: варвары немедленно отступят, гонимые громом и небесным огнем; мало того, прорицатели тре-

бовали, чтобы заклинания и жертвоприношения производились публично на глазах всего города, а это было бы равносильно публичному восстановлению языческого культа. Дело дошло до того, что даже напа Иннокентий был готов согласиться на подобное мероприятие. Однако, когда предложение гаруспиков было поставлено на обсуждение в сенате и когда они обязательным условием поставили, чтобы жертвоприношения совершались на Капитолии под руководством и в присутствии должностных лиц, большинство членов сената, опасаясь вызвать недовольство императора, оставило эту мысль.

Голод заставил римлян вступить с Аларихом в переговоры о перемирии самостоятельно, независимо от равеннского правительства, которое продолжало хранить молчание и бездействовало. По словам Зосима, Аларих предъявил сначала очень суровые требования — выдать все золото и серебро, находящиеся в городе, всю ценную движимость и в с е х р або в варварского происхождения (Zos., V, 40), но затем требования эти смягчил и потребовал «пять тысяч фунтов золота, тридцать тысяч фунтов серебра, четыре тысячи шелковых хитонов, три тысячи красных тулупов и три тысячи фунтов перца» (там же, 41). Но чтобы удовлетворить и это более умеренное требование варваров, римлянам пришлось собрать не только все общественные, но и частные драгоценности.

На что рассчитывало равеннское правительство, наблюдая тяжелое положение Рима? Возможно, что оно решило признать узурпатора Константина, который в 409 г. прислал посольство к Гонорию с просьбой сделать его своим соправителем, обещая за это помочь разгромить силы

Алариха.

Аларих же, как утверждает Зосим, всячески стремился склонить императора на заключение мира. По его требованию Рим дважды посылает послов в Равенну (Z o s., V, 44; S o z o m., IX, 8, 1). Аларих умоляет императора заключить мир и не губить великий, славный город огнем войны (Z o s., V, 50). Готский вождь сокращает свои требования до минимума, отказываясь от денежной субсидии и довольствуясь для поселения одним истощенным Нориком и таким количеством хлеба, которое может уделить император (Z o s., V, 50). Однако, римляне, очевидно, не верили Алариху, и правительство не желало заключить с ним мирного договора ни на каких условиях.

Вестготы второй раз осадили Рим. Аларих, отрезав город от продовольствия, принудил римлян признать императором своего ставленника,

городского префекта Аттала 1.

Сам Аларих не претендовал на императорскую власть и каждый раз ставил условием, чтобы сенат склонил императора Гонория к заключению с готами мира и союза (Z о s., V, 42, 1; S о z о m., IX, 6, 7). Это говорит о том, что у Алариха не было намерений основать в Италии свое королевство. Готы признавали номинально власть римского императора, стремились получить из его рук земли для поселения и поступить к нему на военную службу. О р о з и й (VII) определенно указывает, что Аларих стремился только к получению земель для поселения, не преследуя никаких других целей.

Но, признавая императорскую власть, Аларих хотел видеть на римском престоле императора, который исполнит его волю. Так поступали и другие варварские вожди, например, Арбогаст. Так поступил и Аларих, провозгласивший императором префекта города Приска Аттала.

¹ Zos., VI, 6; Sozom., IX, 8; Olympiod., fr. 3; Philostorg., XII. 3

Подобно осажденным, армия Алариха, расположившаяся под Римом, страдала от голода, ибо все запасы продовольствия были уничтожены, а Рим не получал хлеба из Африки, которая осталась верна императору Гонорию и не хотела снабжать продовольствием варваров и их ставленника — Аттала. Правитель Африки Гераклиан посылает даже деньги императору Гонорию для набора солдат (Z o s., VI, 7, 8, 9) и держит Африку

в своих руках.

Итак, Аттал был возведен на престол варварским вождем, который получил звание magister militum, а брат жены Алариха — Атаульф — сомее domesticorum equitum. Аттал, хотя и был крещен арианским еписко-пом Сигисарием ¹, однако находился в близких отношениях с языческими деятелями — Флавианом, Симмахом и др. Его приближенными и советниками были главным образом не варвары, а римляне. Префектом Италии, например, был назначен Лампадий, тот самый, который был в 408 г. против мирного договора с Аларихом и открыто выступил в сенате против Стилихона (Sozom., IX, 8, 2; Z о s., VI, 7, 3). Префектом города был рим-

лянин Маркион, близкий друг Аттала (Z o s., VI, 6).

При Аттале вновь ожило язычество и, поскольку язычники находились в антиварварском лагере, Аттал прилагал все усилия к тому, чтобы не дать варварам усилиться. Он упорно не давал своего согласия на экспедицию Алариха и его войска в Африку. Даже тогда, когда сенат склонился к данному решению, Аттал продолжал оставаться при своем мнении. Он, как говорит Созомен (IX, 8), «не послушался ни Алариха, советовавшего послать небольшое войско в Карфаген для истребления поставленных там Гонорием правителей, если бы они задумали противиться, ни Иоанна, имевшего при нем должность начальника придворных чинов, который находил нужным, чтобы Констант получил от Аттала повеление отправиться в Африку в качестве якобы посла Гонория и, уполномоченный обыкновенной грамотой, называемой указом, лишил власти Гераклиана, которому вверено было начальство над стоявшими в Африке войсками». Аттал не желал посылать в Африку ни одного варвара (Z o s., VI, 12). Возможно, Аттал предвидел, что варвары, ворвавшись в плодородную страну, не захотели бы ее потом оставить. Аттал боялся потерять Африку навсегда для Римской империи.

Аларих, стремясь выставить себя другом и союзником римлян, вновь обращается к законному римскому императору с предложением о мире, низложив предварительно Аттала и послав Гонорию в знак дружбы диа-

дему и порфиру (Z o s., VI, 12).

Равеннское правительство, получив из Константинополя помощь, состоявшую из 4 тысяч воинов (S о z о m., IX, 8), не помышляло теперь о бегстве в Константинополь и категорически отклонило переговоры с Аларихом о мире. З о с и м (VI, 13) и С о з о м е н (IX, 8) повествуют одинаково об окончательном разрыве, происшедшем в 410 г. между Аларихом и равеннским правительством. Вот как рассказывает об этом С оз о м е н (IX, 9): «Аларих, заняв Альпы, местечко, отстоящее на 60 сталий от Равенны, вступил с императором в переговоры о мире. Но некто Сар, родом варвар, человек как нельзя более опытный в военном деле, имевший под начальством около 300 воинов, людей все надежных и храбрых, и вследствие прежней вражды оставшийся в подозрении у Алариха, рассудил, что союз между римлянами и варварами не принесет ему помощи, и потому, неожиданно напав с своими подчиненными, убил несколько варваров. Разгневанный и испуганный этим Аларих тем же путем возвратился к Риму и, осадив его, взял изменой».

¹ Sozom., IX, 8, 2; Zos., VI, 7, 2; Philostorg, XII, 3.

Возможно, что гот Сар со своим отрядом сыграл какую-то роль в окончательном разрыве, происшедшем между Аларихом и равеннским правительством, но он мог лишь ускорить развязку, не являясь ее причиной. Причина же коренилась в том, что Аларих, окончательно убедившись в невозможности склонить императора и правительство к заключению мирного договора, по которому он надеялся получить земли для поселения и полное обеспечение своих соплеменников, решил немедленно отомстить римлянам, ответившем ему на предложение о мире следующими словами: «Кто за свое преступление заслужил казнь, тот недостоин быть в числе римских друзей» (Z о s., VI, 13). В ночь на 24 августа 410 г. варвары ворвались в город.

Каким образом готы проникли в Рим? Была ли это ожесточенная борьба, сломившая сопротивление римлян, в результате которой варвары вломились в Саларийские ворота, разломав их, или же ворота Алариху были

кем-то открыты?

О том, что Саларийские ворота Алариху были открыты, говорит Прокопий, писавший более, чем сто лет после происшедшего события (Bell. Vand., I, 2). Он передает две версии. По одной из них, Аларих подарил 300 варваров римлянам в качестве рабов. Предварительно он сообщил юношам цель их пребывания в городе, приказав им в определенный день и час открыть Саларийские ворота. По второй версии, Проба, вдова префекта, сжалившись над голодающим и гибнущим населением города, в ночь на 24 августа 410 г. приказала своим рабам открыть Алариху Саларийские ворота с целью прекратить страдания народа. В доказательство, подтверждающее этот рассказ Прокопия, приводят иногда замечание в письме И е р о н и м а, который говорит, что варвары пощадили Пробу за ее святость (Ер., 130). Современники же событий ничего не говорят о помощи Алариху из города. Один из наиболее близких к событиям современник — О розий (VII, 39) подчеркивает стремительность и беспощадность натиска Алариха и его войск: «Аларих появился, он осадил трепещущий город, он привел этот город в замешательство, он вломился в него».

Кроме Прокопия и Орозия, о взятии Рима Аларихом упоминают Филосторгий, Созомен, Олимпиодор. Некоторые сведения имеются и в «житии

св. Мелании», присутствовавшей при вторжении варваров в Рим.

Филосторгий пишет об Аларихе: «Он быстро берет Порт [Остию]. Это обширнейшая гавань Рима, содержащая в себе три пристани и простирающаяся на протяжении малого города. Здесь по древнему обычаю лежали запасы всего общественного хлеба. Легко взяв порт и голодом и прочими способами осадив Рим, его завоевал» (Philostorg., XII, 3).

Олимпиодор говорит о том, что Аларих πολιορκεί και εκπορθεί την «Rώμην (O l y m p i o d., fr. 2), т. е. осадил и разграбил Рим. Он, так же как и Палладий в «житии св. Мелании», ничего не знает ни об одной из

версий Прокопия.

Зато Созомен (IX, 9), который пользовался доброкачественными источниками, и сведения которого очень ценны и важны для нас, сообщает о том, что Аларих, «осадив город, взял его изменой». Но кто помог Алариху взять Рим — автор не говорит. Кроме того, Созомен, живя в Константинополе, писал IX книгу своего труда и положил в основу сведения Олимпиодора, который сам в дошедших до нас отрывках ни словом не упоминает об измене. Следовательно, данное сообщение Созомена сомнительной достоверности. Мы приводили данные о бегстве рабов к Алариху, есть основания говорить об их сочувствии варварам, но данные о том, что рабами были открыты Саларийские ворота, недостаточны для категорического утверждения. Большинство же авторов современных событий (Орозий, Филосторгий, Олимпиодор, отчасти Иероним и Августин) указывают, что город пал после ожесточенной борьбы, сломившей сопротивление римлян. Возможно, конечно, что эти источники тенденциоз-

ны, но других данных у нас нет.

Сведения о разграблении Рима Аларихом дошли до нас лишь от христианских авторов, не считая сообщения более позднего автора — Прокопия. Наш главный источник по вторжению Алариха в Италию в 408 г. — Зосим обрывает свое повествование на третьей осаде Рима, а христианские авторы всячески оправдывают поведение Алариха-христианина, хотя и арианина. Орозий, например, целые страницы посвящает описанию мягкого и гуманного поведения готов, а вторжению Алариха в Рим посвящает всего семь слов.

Зато Прокопий (Bell. Vand., I, 4—2) сообщает нам о том, что Аларих произвел в «вечном городе» массовые убийства, повергшие нассление в ужас. «Варвары,— говорит Прокопий,— не встречая никакого сопротивления, обнаружили бесчеловечную свирепость. Они до того разорили завоеванные ими города, что в мое время не оставалось и признаков их существования... едва уцелела случайно какая-нибудь башня или какие-нибудь ворота, или что-нибудь подобное. В своих набегах они убивали всех, кто им попадался, старых, равно как и молодых; не щадили ни женщин, ни детей; оттого и по сию пору Италия еще так малолюдна. Они расхитили деньги в империи, а главное, не оставив в Риме никакого имущества, ни государственного, ни частного, обратились на Галлию». «Варвары,— пишет он далее,— ограбили весь город, убили большую часть жителей и пошли дальше».

Но даже и христианские авторы, оправдывающие поведение Аларихахристианина, не могли удержаться, как современники событий, от сообщения сведений об ужасах, происходивших в городе.

И е роним (Ep. ad. Principiam) применяет к разграблению Рима энергичные слова Вергилия: Quis cladem illius noctis, quis funera fando

explicet etc.

Августин, который так много распространяется о милосердии готов, пощадивших и язычников и христиан, укрывшихся в апостольских базиликах, по-христиански утешает тех, чьи многие тела (multa corpora) остались in tanta strage непогребенными (de civ. dei, I, 12, 13). Он должен признаться в том, что «multi... christiani in captivitatem ducti sunt» (там же, 14).

О том, что варвары перебили множество людей в городе, сообщают также Сократ (VII, 10, 11) и Филосторгий (XII, 3). Сократ говорит о том, что сенаторы были подвергнуты пыткам и в большом коли-

честве умерщвлены.

Но источники сообщают не только о массовом истреблении римлян вестготами Алариха, но также о грабежах и поджогах, происшедших в городе. О том, что значительная часть города была объята пламенем и ногибли многие произведения искусства, сообщают И е р о н и м (Ер., 128, 130), Сократ (VII, 10) и Ф и л о с т о р г и й (XII, 3). О пожарах в городе сообщает и Августин (deciv. dei, I, 14—16; de urbis excid., 2,2). Со з о м е н (IX, 8) сообщает о том, что «Аларих дал позволение толпам своим расхищать, кто сколько может, имущество римлян и грабить все пома».

Из источников, находящихся в нашем распоряжении, лишь в произведениях Иордана и Орозия мы находим версию, оправдывающую готов. И ордан (Get., 30) утверждает, что готы не подожгли ни одного здания и по приказу Алариха ограничили себя в грабежах. Но нужно помнить, что готский историк Иордан стремился представить готов не похожими

на других варваров, действующими гуманно, разумно и не по-варварски. Готы для него — символ всего справедливого и честного. Понятно, что вся их деятельность получает у Иордана самую положительную оценку и

встречает полное сочувствие.

О розий, поставив себе целью доказать, что в дохристианские времена Римское государство подвергалось даже большим опасностям, чем в современную автору эпоху, стремится подчеркнуть положительные стороны характера христиан-вестготов и посвящает целые страницы их достоинствам, хваля их милосердие (Adv. pag., VII, 39). О розий ставит в заслугу Алариху то, что он издал эдикт, приказывающий готам довольствоваться грабежами, избегая пролития крови (VII, 39, 1) и с восторгом сообщает о том, что готы пощадили множество народа, укрывшегося в базиликах, и проявили христианское милосердие и снисхождение.

Но даже Орозий не удержался ст того, чтобы не обмолвиться об истинном положении дел в городе. Самый факт издания Аларихом закона о запрещении пролития крови и разрешении грабежей свидетельствует о грабежах и убийствах. Таким образом, вождь не только не запрещает грабежей, но санкционирует их, считая их нормальным явлением. Орозию нечего об этом сказать. Больше того, О р о з и й трижды в своем произведении (II, 19, 15; VII, 39, 4; VII, 40, 1) говорит о большом количестве убитых в городе. Он как бы проговаривается нечаянно и неожиданно для самого себя. Таким образом, и у Орозия имеются вполне определенные сведения о грабежах и убийствах в Риме.

Вряд ли есть какие-либо, хотя и незначительные, основания ослаблять и сглаживать краски при описании пребывания Алариха в Риме, преуменьшать или уничтожать факты, свидетельствующие о грабежах, массовых истязаниях, убийствах и пожарах, производимых варварами в Риме.

Гиббон, суммируя сведения источников о поведении готов в Риме, писал: «В священном вместилище Ватикана и апостольских церквей могла укрыться лишь очень небольшая часть римского населения; многие тысячи варваров и в особенности служившие под знаменем Алариха гунны были незнакомы с именем Христа или, по меньшей мере, с его религией. и мы вправе полагать, что в те часы дикой разнузданности, когда все страсти воспламеняются и всякие стеснения устраняются, поведение исповедывающих христианство готов редко подчинялось правилам Евангелия. Те писатели, которые были особенно склонны преувеличивать их человеколюбие, откровенно признаются, что они безжалостно убивали римлян и что городские улицы были усеяны мертвыми телами, оставшимися во время всеобщего смятения»1. Но Гиббон останавливает свое внимание не только на убийствах, производимых варварами, но также и на диких грабежах, учиненных готами в городе: «При разграблении Рима, — указывает Гиббон, — отдавалось основательное предпочтение золоту и драгоценным каменьям, как таким предметам, которые имеют самую высокую цену при самом незначительном объеме и весе; но когда самые торопливые из грабителей завладели этими удобопереносимыми сокровищами, тогда очередь дошла до роскошной и дорогой утвари римских дворцов. Посуда из массивного серебра, пурпуровые и шелковые одежды складывались грудами на повозки, которые всегда следовали за готской армией во времи похода; самые изящные произведения искусства уничтожались или по небрежности, или с намерением: статуи растапливались для того, чтобы можно было унести драгоценный металл, из которого они были вылиты, и нередко случалось, что при дележе добычи сосуды разбивались на куски

¹ Гиббон, История упадка и разрушения Римской империи, ч. III, стр. 448—449.

ударом боевой секиры» (там же). Таково было мнение Гиббона — историка-просветителя. Нужно заметить, что совершенно иначе расценивает события новейшая и особенно современная буржуазная историография. Мнения немецких, французских и английских авторов в этом вопросе сов-

падают. Разногласий по данному вопросу у них нет. Зеек, Штейн, Бьёри, Ходкин, Мантиус, Ло — прилагают все старания к тому, чтобы убедить читателя в лойяльном поведении варваров в Риме, совершенно игнорируя насильственный момент и не придавая вторжению Алариха в Рим серьезного значения. Штейн стремится доказать, что ущерб. причиненный варварами вечному городу, был настолько незначительным, что спустя три года Рим не только оправился, но достиг прежнего могущества ¹. Дилл ² и Бьёри ³ утверждают, что Рим вообще не пострадал от вторжения варваров и ни о каком разрушении города не может быть и речи.

Какие же доводы и основания приводятся буржуазными авторами в под-

тверждение данной мысли?

Ло 4 говорит о том, что Аларих не был посторонним человеком для римлян и Римской империи. Он был верным слугой Римского государства и преданным гражданином. Аларих и в мыслях не имел желания разгромить Рим. Мантиус 5 же утверждает, что вождь вестготов благоговейно почитал «вечный город» и всячески оберегал его от погрома и разрушений. Данные авторы видят в Аларихе римлянина, искренне преданного интересам Римского государства, и обвиняют равеннское правительство за то, что оно не заключило с Аларихом мирного договора, разобидев тем самым вождя готов и подвергнув Рим его вторжению.

Оказавшись в городе, который варвары и не хотели брать, Аларих, как утверждают Зеек, Ло и другие авторы, издает и проводит в жизнь законы, ограничивающие грабежи и убийства, всячески охраняя ценности

города от разрушения.

Очень важным доказательством мягкого и снисходительного поведения готов в Риме, по мнению вышеназванных авторов, является то обстоятельство, что варвары пощадили базилики апостолов Петра и Павла, в которых спаслось множество римлян — как христиан, так и язычников, но ведь все источники сообщают о том, что в базиликах могла укрыться лишь самая незначительная часть населения города, в то время как основная масса римлян подверглась насилиям, грабежам и убийствам.

Самый же главный аргумент историков, пытающихся оправдать поведение готов в Риме, заключается в том, что варвары находились в Риме всего три дня и за такой короткий срок не могли причинить городу большого ущерба. На данное обстоятельство ссылаются Ходкин, Штейн, Ман-

тиус, Зеек и другие иностранные буржуазные историки.

Однако, как свидетельствуют источники, варвары преуспели за три дня своего пребывания в Риме, ограбив весь город, предав разрушению ценные памятники античного искусства и истребив большую часть жителей.

Вряд ли могут быть сомнения в том, что в оценке поведения варваров в Риме скорее прав Гиббон, чем все вышеназванные новейшие исследователи, которые исходят в своих доказательствах не от источников, а от заранее поставленной цели оправдать поведение варваров в Риме. При этом немецкие историки руководствовались здесь националистическими соображениями, другие же буржуазные авторы ставили своей целью сгладить

⁵ Manitius, The teutonic migrations, 1936.

¹ Stein, Geschichte des spätrömischen Reichs, 1928.

² Dill. Roman society in the last century of the western Empire, 1910.

³ Bury, History of the later roman Empire, 1923.
⁴ Lot, La fin du monde antique et le début du Moyen Age, 1928.

исторические конфликты, показать, как это делали романисты и их эпи-

гоны, мирный переход от античности к средневековью.

«В известной мере, — говорит В. С. Сергеев, — захват Рима Аларихом можно считать концом Римской империи и греко-римской античности» В какой же мере и в каких отношениях события 410 г. можно считать кон-

цом Римской империи?

Последняя напряженная борьба римлян с варварами внутри и вне государства закончилась полной победой варваров и выявлением слабости сил Римской империи. Закон, изданный в 408 г. правительством Олимния об устранении варваров от всех государственных и военных должностей (Cod. Theodos., XVI, 5, 42.) вскоре, очевидно, теряет свою силу, так как мы продолжаем видеть на военной службе у римлян значительное

количество варваров.

Все предшествовавшее развитие событий в Римском государстве привело к тому, что в конце IV — начале V вв. империя не могла существовать без варварской армии и ее вождей. Римляне предпочитали денежный взнос службе в войсках (Cod. Theodos., VII, 13, 13). Римской армии как таковой у Римского государства не существовало. Господствующий класс, сознательно или бессознательно, переложил государственные дела и военную службу на плечи варваров. Среднее же и мелкое италийское население разучилось владеть оружием, будучи давно разоружено правительством, которое было больше заинтересовано в наемном варварском войске, беспрекословно подчиняющемся командиру.

У римлян хватило сил низвергнуть Стилихона, но материальных сил для борьбы с варварами и укрепления своего господствующего положения

в государстве у них не оказалось.

Если борьба с варварами внутри государства имела своим результатом новое появление варваров на руководящих административных и военных постах, то внешняя борьба с варварами кончилась разгромом римлян, падением Рима и заключением мирного договора с готами и образованием первого варварского королевства на территории Западной Римской империи — в Аквитании. Варвары и внутри и вне государства одержали полную победу. Римляне фактически открыто признали свое бессилие, хотя им и была сохранена на некоторое время видимость власти и политической самостоятельности.

Об отношении к падению Рима императора Гонория дает представле-

ние анекдот, передаваемый Прокопием.

Безвольный, флегматичный и недалекий правитель Римского государства, Гонорий, узнав о гибели Рима, сначала несколько расстроился и огорчился, полагая, что погибла любимая птица, которой он дал имя «Рим». Когда же евнух сказал, что только город Рим был разрушен Аларихом, император, облегченно вздохнув, ответил: «А я полагал, мой друг, что вы имеете в виду то, что я потерял птицу «Рим» (Bell. Vandal., 1, 2).

Распад и разброд, царившие в Римском государстве в связи с вторжением варваров извне, усугублялись бегством рабов и соединением их с варварами, в которых они видели своих спасителей и избавителей от рабского ига. Союз варваров и рабов ставил римлян в безвыходное положение, разрушая внутренние основы государства и делая невозможной борьбу с варварами.

Рабский вопрос в последний период существования Римской империи встал с новой силой перед римлянами, требуя своего разрешения. В конце IV — начале V вв. н э. в связи с войнами число рабов в Италии, возможно, и увеличилось, и в варварах, вторгшихся в пределы Римской империи,

¹ В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, ч. И., 1938, стр. 755.

рабы видели своих соплеменников и освободителей. Данное обстоятельство, как мы видели, очень тревожило Синесия. На нем останавливают свое внимание Зосим и Созомен, который, указывая на факт присоединения рабов к варварам, подчеркивает то обстоятельство, что «многие рабы, особенно варварского происхождения, стали перебегать к Алариху». Бегство рабов к варварам, их союз с готами Алариха были одной из главных причин кризиса римского рабовладельческого общества и гибели Рима отмеча варваров.

410 год — результат кризиса рабовладельческого общества, когда рабы, соединившись с варварами, обрушились на подгнившие устои Римской империи, результат вековой варваризации государства, когда варвары заняли политически господствующее положение в Империи, сохранив римлянам видимость власти, когда императорская власть потеряла всякое значение и распоряжение судьбами государства оказалось в руках вар-

варских вождей.

Падение Рима, происшедшее в результате деградации и распада римского рабовладельческого общества, окончательно низвело Рим и Римскую-

Западную империю с пьедестала величия и славы.

В период 410—476 гг. вряд ли можно говорить о существовании Западной Римской империи в полном смысле этого слова. Ни в территориальном, ни в политическом отношении Римской империи в эти годы не существовало. Государство римлян к 476 г. ограничивалось одной Италией. В 419 г. в Галлии было основано Тулузское королевство вестготов, которые проникли и в Испанию; в Африке в 429 г. образовалось государствовандалов, а в Британии около 450 г. также образовались первые англосаксонские государства.

«Германские народы, ставшие господами римских провинций, должны были организовать это свое завоевание. Но не представлялось возможным ни впитать массы римлян в родовые организации, ни господствовать над ними посредством последних. Органы родовой организации управления должны были поэтому превратиться в государственные органы, и притом,

под давлением обстоятельств, весьма быстро»1.

Варвары, организуя свои государства на территории Римской империи, нуждаются в помощи квалифицированных, образованных римлян. Так, например, приближенные вестготских королей были галло-римляне, вступившие в союз с варварами для борьбы с народными волнениями и для сохранения имущества и привилегий. Намечается союз имущих классов с появившейся варварской знатью, организовывающей свое господство-

на римской территории.

Но и в Риме политическое господство и власть принадлежали не римлянам, а варварским вождям и их армиям. Если Стилихон действовал, опасаясь вызвать оппозицию среди римлян, то последующие варварские вожди, после событий 410 г., могли действовать более уверенно и открыто. Окончательный акт падения Римской империи (476 г.) задерживается волей тех же варварских вождей, которые по своему усмотрению ставят и назначают римских императоров, пока, наконец, сами не становятся таковыми.

Аполлинарий Сидоний так выражает жалобу Рима на свою судьбу: «Прошу тебя я, который некогда был Римом, придавленный жестокой судьбой, я завидую отверженным. Узкий дом не выдерживает тяжести широкой крыши, и в долинах не блещет моя молния. Возврати мне, Юпитер, начало

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948. стр. 172.

моей жизни. Увы! Где теперь былая пышность, богатые триумфы и бедный

консул» (Ар. Sidon., Carm., VII, 51 и сл.).

Многие люди, жившие после событий 410 г., стремясь осмыслить значение данного факта для судеб Римского государства, приходят к тому заключению, что 410 год был переломным годом в истории Римской империи.

После вторжения Алариха в Рим «вечный город» не поднял больше своей седой головы. «А все думали,— говорил Аполлинарий Сидоний в панегирике Майориану,— что твоя звезда снова высоко подымется после

несчастий, что ты выше упадка».

Сальвиан же прямо говорит, что Римское государство испускает последнее дыхание (ultimum spiritum agens) и будущее принадлежит не Риму,

а новым, варварским народностям.

Таким образом, события 410 г. положили конец не только территориальному и политическому существованию Западной Римской империи, но произвели также переворот в идеологической жизни римского народа. Римляне, которые сотни лет верили в вечность и несокрушимость Рима, полагая, что вместе с его гибелью погибнет и весь мир, отныне открыто говорят о слабости и даже гибели «вечного города» и о принадлежности будущих судеб империи варварам.

